

Черные вороны 9. Пекло

Автор:

Ульяна Соболева

Черные вороны 9. Пекло

Ульяна Павловна Соболева

Первая любовь, жажда свободы. Я сбежала. Бросила отца, учебу, подруг и вылетела в Стамбул, чтобы встретиться со своим любимым... Но вместо этого оказалась совсем в другом месте. В самом настоящем пекле без надежды на освобождение и без права на жизнь. Найдет ли меня здесь кто-нибудь? Неизвестно. Меня больше нет.

ВНИМАНИЕ! Ремейк серии «Любви за гранью». Могут быть и будут повторения в тексте! Похожий сюжет (параллельная линия с Максом и Дашей)! Похожие диалоги из ЛЗГ и тд. Но именно в этой книге будет новейшая своя линия, в ЛЗГ ее нет, но все же это адаптация. **ПРОШУ УЧЕСТЬ И ПРИНЯТЬ К СВЕДЕНИЮ!**

18+ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ: Жестокий герой, физическое, сексуальное и психологическое насилие, кровь и сцены жестокости.

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Черные вороны 9. Пекло

ПРЕДИСЛОВИЕ!!!

ВНИМАНИЕ! Мои дорогие девочки, возобновляется проект Черные вороны. Более чем возобновляется, так как теперь серия будет выкладываться в соавторстве с моей любимой Вероникой Орловой. Дааа, она возвращается к нам в качестве моего компаньона, соавтора, любимой вдохновительницы. А это значит, что и другие проекты выйдут из заморозки

Вы увидите дальнейшие приключения семейства Вороновых по мотивам серии ЛЗГ. Вас ждут еще книги про Макса и Дашу (даааа, мы будем их мучать снова). Вас ждут книги про Изгоя, Фаину, Глеба. Много всего. С семьей не прощаемся совершенно.

Что вас ждет в 9 части. Это приключения Карины, ее любовная линия, а также начало новых проблем в семье Даши и Макса (по мотивам 9 части ЛЗГ так что сюжет будет повторяться у этой линии обратите внимание! ПОВТОРЕНИЕ ТЕКСТА)

Глава 1. Карина

- Твой отец будет против такого, как я.

- Почему?

- Ну я нерусский. Не из такой семьи, как у тебя, и я живу в другой стране.

- Пыффф. Ну и что. Мой папа женат на чеченке. Наполовину, конечно, но все же. И вообще... я не собираюсь у него спрашивать. Я просто хочу тебя увидеть. Скажи, что ты приедешь.

Конечно, я блефовала и, конечно, расскажу все отцу. Просто чуть позже. Потом. А пока что я наслаждалась тем, что могу быть самой собой, могу быть открытой, могу говорить о своих страхах. И есть человек, который любит прежде всего мою душу.

- Конечно, приеду. Я уже в самолете.

И сразу же дух захватило. Значит, мы увидимся. О, Боже! Я в это не верю!

- А твои родители...они не будут против?

- Мы живем в США, детка. В современном мире. Мой отец - бизнесмен, а у матери три салона красоты. У нас никто не носит паранджу. И, когда она увидит тебя, полюбит, как и я. Ты особенная, ты не похожа на других девушек.

Каждое его слово сводило с ума, заставляло дрожать от предвкушения встречи и ловить бабочек внутри живота. Ловить и отпускать снова, чтобы порхали. Чтобы цепляли меня своими блеклыми крылышками, чтобы трепетали от одной мысли о НЕМ. И смотреть до бесконечности в темно-зеленые глаза Мухаммада. Он светлокожий, и у него каштановые волосы. Он даже не похож на араба. И, когда я его вижу то на его аватарке, то по видеосвязи, мне кажется, что никого красивее я никогда не встречала.

Мы познакомились уже давно. Он преподавал дистанционно английский язык. Но, если я кому-то говорила, что переписываюсь с арабским парнем, меня высмеивали, крутили пальцем у виска.

- Ты дура, да? Он пишет еще сотне, таких, как ты, и дробит на вас. А домик у тебя крутой. По тебе не скажешь.

Дина тогда впервые приехала ко мне в гости. Друзей у меня все еще не было. У меня вообще напряг с социализацией. Настолько, что отец снова засунул меня к психологу, а после - на всякие тренинги, и тогда я решила пригласить одну из девочек с моего курса.

- Он не такой, ясно? Он меня любит.

Она кивнула и заржала, жуя жвачку и рассматривая картины на стенах.

- Воистину влюбленная девка - всегда идиотка. Это оригиналы или подделки?

- В смысле?

- Картины.

- Оригиналы...

- Крутяк! Я и не думала, что твои предки такие богатые буратинки. Но ты, это, Мухе этой особо не доверяй. Эти «не наши», до хрена чего на уши вешают.

Так она говорила, пока я не познакомила ее с Мухаммадом на мой день рождения. С ним и Исой, его лучшим другом. Они учатся в Йельском университете, им обоим по двадцать два года, и они охрененно красивые парни. Умные, начитанные, интересные. Мы общались с ними часами. Потом Дина начала общаться с Исой отдельно от меня. Она прибежала ко мне, мы запирались у меня в комнате и шушукались, чтоб отец и Лекса не услышали. И, кажется, ее утянуло в эти отношения еще сильнее, чем меня..

- Он мне деньги перевел, представляешь? На айфон! На новый!

- Представляю. Иса - хороший парень.

Она кивнула и забралась на подоконник.

- Скажи, Карин, а у вас с Мухаммадом было?

- Что было? - я удивленно посмотрела на подругу.

- Ну, это самое?

- Что именно?

- Не притворяйся душой. Секс у вас был?

Я расхохоталась. Какой секс? По интернету?

- Не корчь из себя святошу. Можно подумать, ты не знаешь, что такое возможно.

- Я ору с тебя, конечно, у нас все было. А ты как думала? Трахались как кролики.

- Та ладно!

- Вот тебе и ладно. Еще не хватало секс с тобой обсуждать.

- А что? Есть от меня секреты?

- Отстань.

- Ну какой у него. Расскажииии. Нуууу, Каринааааа!

- Ты дура, да?

- Вот у Исы...

- Замолчиии! - Закрыла уши руками.

- Ничего у тебя с ним не было! Трепло! Может ты еще целка?

И у меня перед глазами как пелена красная появилась, словно все тормоза сорвало.

- Отвали! Ясно? Какого хера лезешь ко мне? Может снять трусы и письку показать? Чтоб ты знала, какая она у меня?

- Больная ты! - Динка оттолкнула меня и выскочила из комнаты. Я слышала, как она быстро сбегает вниз по лестнице. Ну и пусть валит. Подробности ей надо. Озаботка! Трахалась она онлайн. Дура. А еще говорит, что это мне мозги запудрили, а сама ведет себя как шалава.

Но от мысли, что я никогда так не смогу, потряхивало и даже курить захотелось. Я закрыла дверь комнаты, распахнула окно и прикурила сигарету, дымя прямо на улицу тонкой струйкой.

Это было возможным для нее. Но не для меня...Для меня слово «секс» имело совсем другие ассоциации и было окрашено в цвет боли и смерти. И ни один психолог в мире не смог бы этого изменить. Да и к черту всех этих психологов,

колеса, тренинги, гипнозы. Все впустую. И если сегодня ночью мне суждено видеть мертвую маму с простреленной грудной клеткой – я увижу. Так же, как и насилующих меня волосатых ублюдков, которые наглаживали мои ноги и с хрипотцой восторгались тем, какая я маленькая. Везде.

Она не знала об этом. Дина. Никто не знал. И не должны знать. Это мое. Моя боль. Моей она и останется. Помню, когда у меня случился гормональный сбой на фоне депрессии и Фаина отвезла меня к знакомому гинекологу, та посмотрела меня, а потом села за свой компьютер. Я видела это выражение лица. Мне всего шестнадцать, и я не девочка. Видела, как она кривит свои тонкие губешки и поглядывает на меня из-под очков.

– Как давно живешь половой жизнью?

– Года два.

Смотрит исподлобья. Осуждающе, косо.

– Ранние половые связи приводят к самым разным дисфункциям и женским заболеваниям. Мама не говорила тебе об этом?

– Не успела.

– Ясно. Жаль, что не успела. А ведь многое зависит от родителей. Сколько половых партнеров было? Относятся наплевательски к детям, а потом сифилисы, гонореи и спиды. В лучшем случае – аборты. Так сколько партнеров было?

– Много. Около восьми или десяти.

Презрительный взгляд, даже чуть отодвинулась от меня.

– Понятно.

– Та ладно? Что понятно? Вы не стесняйтесь, спрашивайте. Каким видом секса я занималась, и я отвечу. Всеми. Оральным, анальным, вагинальным, в ручку и даже в подмышку, в уши, в волосы. Дальше перечислять?

Строчит и больше на меня не смотрит.

– И каков ваш диагноз?

– Из-за беспорядочных связей у тебя воспалены яичники. Отправлю к венерологу. Сдашь анализы на половые инфекции.

Сунула мне бумажки, а я порвала их на ее глазах и швырнула в лицо.

– Сама сходи к венерологу. Пусть мозги тебе проверит заодно через заплесневелую дырку на предмет гнили.

Вышла, хлопнув дверью.

– Что случилось?

Фаина обняла меня за плечи.

– Что такое? Было страшно?

– Ничего такого. Пошли на УЗИ и к венерологу. Сказала, чтоб я проверилась после такого количества ...

Фаина аккуратно отодвинула меня в сторону и ворвалась в кабинет.

– Так откуда я знала? Она ничего не сказала!

– А я говорила задавать вопросы? Я просила проверить на предмет воспалений! Не было у нее никого два года, и никаких заболеваний там нет. А вы уволены. Получите расчет в бухгалтерии и убирайтесь.

– Фаина Марковна, Фаинаааа...

Она вышла ко мне и обняла за плечи.

– Пошли на УЗИ, а потом поужинаем в твоём любимом суши-баре.

* * *

Мухаммад мне нравился тем, что говорил о браке. Говорил об уважении к женщине, о том, что у него никогда не было девушки, и он готов ждать до самой свадьбы. Он...он был единственным, кому я все рассказала. А потом рыдала, а он писал мне слова утешения до самого утра. Никто и никогда не сочувствовал мне так искренне, не поддерживал меня настолько мощно. Я не заметила, как наши переписки и общение стали важной и неотъемлемой частью моей жизни.

Сотовый завибрировал сообщением от Дины.

- Ты веришь, что они приезжают? Веришь?

- Не верю. У меня в голове не укладывается. Обалдеет.

- У меня тоже. Так, надо успеть в парикмахерскую, на депиляцию, на брови и ресницы. Пойдешь со мной?

- А мне что там делать?

- Ну как? Наводить красоту.

- Я и так красивая.

- Вот придет твой Мухаммад, увидит, какая ты в жизни великолепная, и охренеет. Потом под юбку к тебе залезет, а там - заросли бамбука.

- Динаааа!

- Что, Дина? Не, ну ты ж не собираешься с ним о звездах говорить?

- Иногда и о звездах говорим. Он очень серьезный. Учится на врача, не то что твой айтишник. Мы обсуждаем философию, историю.

- Фууу, как нудно.

- А дрочить перед камерой друг на друга, значит, не нудно.

- Ты - ханжа!

- Опять, да? Хочешь поссориться?

- Не хочу. Бесишь просто. Я не такая, я жду трамвая. Карин...а вы о смене религии не говорили? Стала бы мусульманкой ради него?

- Не знаю...Если бы это было для него так важно, может и стала бы. Я вообще в Бога не верю.

- И я бы стала...Иса говорит, что по-другому нам с ним вместе быть нельзя.

На экране компьютера показалась аватарка с лицом Мухаммада:

- Прости, Дин, мне Мухаммад звонит.

Я тут же отключила звонок и ответила ему.

- Малышка, привет. А мы уже в Стамбуле. Видишь, как красиво?

Повертел камерой, выхватывая берег моря, пальмы, розовый закат.

- Круто, да. А как ты оказался в Стамбуле?

- Ну я ж с пересадками. Прямого не было.

- А теперь когда твой самолет вылетает?

- Детка... - он куда-то обернулся, потом снова посмотрел в камеру, - засада у нас тут. Рейс отменили.

- Как отменили?

Улыбка сползла с лица. Ну вот...как всегда, когда мне слишком хорошо, что-то случается ...чтоб сильно не наслаждалась жизнью.

- Вот так. Бывает же. Поломка самолета. Задержится на пять дней. Я тут подумал, что могу купить тебе билет, и ты прилетишь ко мне, м?

- Куда?

- В Стамбул. У меня здесь родственники. Погуляем, побесимся. А потом поедешь домой. Пяять дней, детка. Со мной.

Звучало очень заманчиво, просто офигеть как заманчиво, но было одно «но» - отец никуда меня не отпустит. Он вообще не знает о существовании Мухаммада.

- Я... я не смогу.

- Почему?

- Предки не отпустят.

- А ты не спрашивай. Вроде девочка уже большая, совершеннолетняя.

- Дело не в этом...просто мой отец, он...

- Да брось. Они все такие. Мой тоже деспот тот еще. Не говори ему. Оставь записку и просто улетай. У тебя загран есть?

- Есть, конечно.

Его голос приобрел другие нотки. Покровительственные, и в какой-то мере мне это нравилось.

- Вот и круто. Я куплю тебе билет, зарегистрирую, а ты просто вылетишь, и все. Поищет, попсихует, а когда вернешься, простит. Зато я тебя увижу! Через неделю учеба начинается, и потом мы сможем встретиться только в конце лета, и то...кто знает, получится ли. Эй...детка, я безумно хочу увидеть тебя.

Слышишь? Ана ба хеб бак!*1

- Ана ба хеб бак! - повторила я, чувствуя, как бешено колотится сердце.

- Ну что? Покупать билеты?

- Я не знаю... я вечером тебе скажу. Мне подумать надо.

- Только долго не думай. Ты разбиваешь мне сердце.

Отключила мессенджер и упала в кресло, закрыла лицо руками. Я не привыкла обманывать отца. У нас был уговор - честность превыше всего. Что бы ни случилось, мы говорим друг другу правду.

А что, если я расскажу ему о Мухаммаде и попрошу поехать в Стамбул? Папа даст мне охрану и все, и я встречу со своим парнем. Я ведь действительно уже взрослая. Почему я должна скрывать от отца, с кем я встречаюсь? Вот прямо сейчас пойду и поговорю с ним. Заодно обсудим памятник для мамы. Я нарисовала несколько эскизов.

Встала с кресла, поправила юбку и вышла из комнаты. Прошла по коридору к кабинету отца, хотела постучать, но услышала его голос.

- Да, Александра, я тебя слышу...Нет, я еще об этом не думал. Мне нужно обсудить с Мариной...там выпадает годовщина смерти Лены и...Думаешь? Ладно. Я приеду посмотреть.

Я медленно опустила руку.

- Да, поминок не будет, конечно. Мы планировали обговорить новый памятник. Но это подождет. Я не то, чтобы обещал, но на годовщину, ты же знаешь, мы всегда вместе.

Пауза...и у меня внутри пауза.

- Да... я так и сделаю. Скажу ей, что вылетаю по делам, и приеду выбрать вместе с тобой. Я тоже ужасно соскучился, безумно. Твой тур слишком затянулся...

Скривила губы и неслышно ударила ладонью по стене. Подождет, значит. Мама подождет. Конечно, она ведь уже мертвая, а ты нашел ей замену, родил нового ребенка, и все в твоей жизни теперь зашибись...И с каких пор ты начал мне врать?

Развернулась и пошла по коридору обратно в комнату. Это ощущение, что ты лишний, что ты мешаешь им жить. Потому что они счастливы, а ты – вечное напоминание о самом плохом и о человеке, которого хочется забыть навсегда. В доме уже нет портретов мамы на стенах...они аккуратно убраны. По одному. Медленно, но верно.

Набрала прямыми, как палки, пальцами номер Мухаммада.

– Да. Покупай билеты. Я приеду.

Глава 2. Саид

– Наше партнерство, Саид, подходит к концу.

Андрей сидел напротив Нармузинова и сжимал длинными пальцами чашку с кофе. Как изменился за эти годы. Из бандита стал политиком. Обелился. Теперь все по-правильному и по-честному. По закону.

– Вот это и вот это нашли в твоих фурах на границе. Фурах, которые пропустил я. Пропустил, доверяя тебе.

Положил перед Саидом фотографии с ящиками с оружием и боеприпасами. Саид взял одну из фотографий, рассмотрел и вернул обратно. На его смуглом лице не отразилось ни одной эмоции. Казалось, оно высечено из темного камня и мимика ему несвойственна.

– Наш уговор таким не был.

– Напомни, каким он был, Граф. Если память мне не изменяет, наркота и секс-трафик под запретом. Все остальное – на мое усмотрение.

– Не притворяйся, Саид, ты знаешь, что это касалось и оружия. Я не посмотрю на наши родственные связи и перекрою все пути для твоих грузовиков.

Нармузинов постучал пальцами по столу, и на них блеснули несколько массивных золотых колец.

– Твои люди, дорогой, досматривали фуры. Товар не прятали. Все на виду. Долгое время, дорогой, ты получал за эти перевозки миллионы и не жаловался, но, когда сюда влезли менты, которые копают под тебя после известного инцидента, мой товар вдруг стал вне закона.

Чуть подался вперед, и Андрей напрягся – сквозь холод просачивалась страстная и дикая натура оппонента.

– Оружие не для войны и не для террористов. Его поставляют в оружейные магазины. Все легально. Разберись с Зарецким не за мой счет, Граф.

Граф усмехнулся и включил что-то на своем смартфоне. Передал Саиду.

– Все законно? Там заснята продажа оружия человеку, который спустя три дня расстрелял студентов в метро. Из твоего ствола, который я ввез в страну. Какого хрена я должен подставляться?

– Это могло произойти с любым магазином. Скажи лучше, что сотрудничество со мной пятнает твою репутацию и мешает твоей политической карьере, Андрей.

– Мне придется заключить с тобой новый договор.

Переводит тему, смягчает удар. Дипломат хренов.

– Не придется!

Оба резко встали из-за стола.

– Мне не нужны твои линии. Я найду, как перевозить свой товар. Дочери привет передай.

И вышел из вип-комнаты закрытого клуба.

* * *

Это не была ссора. Нет, они слишком уважают себя, чтобы опускаться до ссор. Это война. Которая началась тихо и скромно и за пару лет набрала обороты и масштабы. Как снежный ком. Несмотря ни на что, они оставались врагами. Слишком много их семьи отняли друг у друга.

Нармузинову пришлось искать другие способы переправки товара. Уже нелегальные, а это требовало возвращения к старым связям. Тем, которые остались в тени после смерти Ахмеда.

Саид сидел в плетеном кресле под сенью виноградника и смотрел на фото дочери. Впрочем, дочерью она ему никогда не была. Начиная с ее рождения и заканчивая их последним разговором, когда она попросила его оставить все как есть и не пытаться сблизиться.

– Я не Нармузинова. Я – Воронова. Ты мне не отец, и Ахмед мне никто. Прости...но я выбираю другой мир и другую семью. Не принуждай к общению. Я принадлежу себе, и мои дети – только мои. Им не нужно такое родство. Мне стыдно...что я Нармузинова. Я никогда больше не хочу ею быть.

И сына своего не показала. Он не лез. Гордость лезть не позволила. Хочет так, пусть так будет. Отреклась от семьи – ее право. Ахмед много наворотил, простить сложно. Если счастлива и здорова, ему, Саиду, больше ничего и не надо.

Но иногда тоска сердце клещами стискивала, и он сидел, морщась как от приступов боли, и боролся с желанием разбомбить на хер всю империю Вороновых, поставить на колени и вернуть себе дочь. Дикая кровь Нармузиновых кипела и пенилась в венах. И он мог. Ресурсы были, люди были, деньги имелись, и властью обладал неограниченной среди своих. Стоило свистнуть, и началась бы смертельная жатва. Только она сдерживала – дочь и ребенок ее. Потому что

счастлива там, а принудить любить себя он не может и не хочет. Не заслужил любви. Одиночество заслужил. Двух жен, с которыми детей нет, заслужил.

Но война все же началась. Тихая, молчаливая. Пока без жертв. Началась с того дня, как к Арчи пришел.

- Давно не было тебя, брат. Забыл про нас, занеуважал.

- Ну что ты, Арчи. Дела, все дела.

- Слышал я, с турками бизнес завел. И как янычары?

- Нормально. Товар ходит как часы. Ходил...как часы.

- А теперь что? Ты кушай, дорогой, кушай. Замира старалась, лепешки пекла. Барана только сегодня утром зарезал, соленья мать моя передала, как узнала, что в гостях будешь.

Улыбается Арчи, руками разводит, а Саид знает, насколько опасен этот шакал, хоть и приходится ему троюродным братом. Хитрая, лживая и жадная тварь. Но...сейчас особо выбора нет. А с Арчи нужно дружить. Пришло время царю по холопам разъезжать.

- Коридор нужен. По морю. В Анкару и в Стамбул.

Арчи в рот кусок мяса положил, смачно облизал пальцы.

- А что так? Родственники твои русские через сушу вроде провозили.

Сказал с долей презрения, за которую Саид мог выбить ему передние зубы...но не в этот раз. И оправдываться не собирался.

- Теперь не провозят. Другой путь нужен.

- Ясно...В наше время все не вечное и родственные связи тем более, да, дорогой?

Саид посмотрел на нож, лежащий на тарелке, и снова на Арчи, и тот слегка побледнел и выпрямился. Словно прочел мысли Нармузинова.

- Есть свои люди. Выделят контейнеры, проведут через таможню с документами.

- Но...

Саид знал, что «но» будет обязательно.

- Еще кое-какой груз захватишь, да?

- Какой груз.

Саид отпил вина из серебряного бокала и вонзил вилку в кусок мяса.

- Девочек. Из Стамбула в Анкару. Тебя досматривать не будут, а мне Албек возить не дает. Его это бизнес. Но кушать все хотят, и я хочу.

Сука. Хитрая мразь. Хочет его руками живой товар возить. И, если девок найдут, то война с Албеком у Саида будет.

- По две-три обычно. Твое дело - принять и передать дальше.

И выбора точно нет, не согласится - торговля накроется, а у него поставки на год вперед проплачены.

- Хорошо. Договорились.

- Могу и тебе девочек найти. Сочных, красивых, юных. На любой вкус. Хочешь блондинку? Стройную, нежную. Ты же любишь блондинок, Саид?

- Я люблю, когда мой товар вовремя доходит из пункта «А» в пункт «Б». Твои девки меня волнуют меньше всего.

Я сидела возле окна самолёта и смотрела вниз, туда, где, кажется, прямо под нами стелились белые плотные облака.

«- Охренееееет! Ты реально это сделаешь? Каринаааа?»

Я закрыла глаза, откидывая голову назад и вспоминая свой последний разговор с Динкой. Она единственная знала, куда, а главное, к кому я сейчас лечу. Ну ещё, конечно, Мухаммад и Иса.

«- Да, сделаю! А что? - я пожала плечами, глядя в широко раскрытые от удивления глаза подруги, - Он мне сегодня билеты закажет.

- Офигеть. Вот тебе и тихоня-Воронова! - Дина захохотала, - Правильно говорят, в тихом омуте черти того..., - она подмигнула, - скажи, как ты отца-то уговорила?

- Я и не уговаривала. Он не знает.

- Ты совсем поехавшая, что ли? - Дина покрутила пальцем у своего виска, но, показалось, что на её лице мелькнула досада. - Нет, ты на самом деле полетишь? А отцу что скажешь? Как ты вообще представляешь, что он тебя выпустит из страны?

- Скажу, что останусь у тебя.

По большому счёту только поэтому я тогда и выдала свои планы Дине, ведь Мухаммад просил никому не говорить о них. Боялся, что что-то может пойти не так, и нам не получится встретиться. От одной только мысли о том, что увижу его вживую, в низу живота будто сжималось что-то. Предвкушение. А ещё становилось немного...страшно. Понравлюсь ли я ему? А он мне? Он точно такой, как по скайпу и в переписках? Хотя я была уверена, что реальный он лучше. Гораздо лучше любого из тех, кого я знала, и даже лучше самого себя из нашего с ним виртуального мира. Эта поездка обещала так много...и в то же время могла стать самым большим разочарованием. Но о последнем я старалась не думать. Решение было принято. Нами обоими. И отцом. Пусть он даже не

подозревал об этом.

– У меня? Ага, а мне тогда куда девать людей твоего папы, которые за тобой по пятам ходят? Если они не найдут тебя у нас...мне знаешь ли, моя жизнь дорога. Да и хочется дожить до нашей с Исой встречи.

– Успокойся. Не найдут. Скажем, что у тебя день рождения, и мы отметим его у вас на даче. Я оттуда и уеду. Отца так и так не будет в эти выходные. А с охраной справишься. Ночью я выскользну тихо, а ты потом, если будут спрашивать, говори, что пьяная лежу, отсыпаюсь. Пока они чухнут, я уже в Стамбуле буду.

На лице Дины появилось сомнение. Вот чёрт а! Вообще на неё не похоже!

– Дина, блин! – я тряхнула ее за плечи, – В первый раз что ли?

– Не в первый, но ещё ни разу я не прикрывала твои побеги не из дома, а из страны.

– Ну так, считай, что я на разведку, – я подмигнула, усмехнувшись, – съезжу посмотрю, как там наши парни. Стоит ли вам с Исой переходить с виртуального на реальный секс.»

Я думала, что будет гораздо труднее сбежать из-под контроля отцовской охраны. Но оказалось всё до жути просто. Стоило только дождаться, когда крепкие парни уснут в чёрном тонированном «гелике», и прошмыгнуть по задней дороге до спрятанной через несколько домов старой тачки отца Динки. А потом я ехала за рулём и ощущала себя на самом деле пьяной от приступавшего к горлу волнения, от странного, дикого предвкушения встречи с НИМ. А ещё – от накатывавшего волнами чувства свободы. Свободы от всех. И, в первую очередь, от отца. Пусть недолгой, пусть совсем короткой, но такой необходимой. Особенно после разговора с ним накануне.

– Кариша, мне придётся уехать. Звонил партнёр по одной очень важной сделке, которая оказалась сейчас под угрозой срыва, – он очень старается смотреть в моё лицо и не отвести глаза. И у него это получается. Почти. Потому что я всё

равно успеваю заметить виноватый блеск в тёмно-карем взгляде. Я даже задумалась, а если бы я не услышала тогда его разговор, поверила бы ему сейчас? Когда он говорит вот так, уверенно, тихо, но твёрдо, не выдавая себя ни интонацией, ни мимикой. Еще бы, ведь он – Андрей Воронов. Человек, который может обмануть кого угодно. Интересно, сколько раз он врал мне, вот точно так же, спокойно, осторожно касаясь одними пальцами ладони, а я верила?

Хотя какая, к чёрту, сейчас разница? Сейчас мы с ним были примерно в одинаковом положении. И мне вдруг отчаянно захотелось переиграть отца в этой лжи. Месть? Я не думала в тот момент об этом. Я думала лишь о нём, о парне с глазами цвета болота и самой красивой улыбкой на свете. И догадывалась, о ком думал папа, выжидающе глядя на меня. В голове истерично забились: «Ты сам это начал. Теперь не жалуйся!»

Пришлось заставить себя улыбаться. Но я всё ещё немного жаждала её. Мести. Маленькой. Совсем крошечной, но жаждала. Не быть понимающей с полуслова дочерью. Не свернуть разговор, ведь, по большому счёту, мне нужно было лишь получить разрешение на тусу у Дины. Но мне вдруг стало этого мало. Захотелось большего. Захотелось заставить его врать до конца. Я захотела унижения. Маленького унижения для господина Воронова.

– Но я думала...и подготовила несколько..., – я опустила голову, сжимая в руке альбом с эскизами памятника. Успела перехватить взор отца на мою ладонь, он поморщился, как от зубной боли, а я едва не вонзила ногти в свою же руку, сильно стиснув зубы. Поверь, папа, мне тогда было больнее.

– Это очень важный контракт, детка, – его длинные пальцы обхватили мой подбородок, приподнимая лицо кверху, – от него зависит очень и очень многое сейчас. Но я обещаю, что, как только закончу с делами, мы обязательно с тобой выберем и закажем самый лучший памятник для мамы, хорошо?

Я молча кивнула, позволяя рывком прижать себя к его груди.

Мама, прости меня. Прости, что я использовала тебя ради этой крохотной мести, но я не могла отпустить его со спокойной совестью туда.

– Хорошо. Тогда можно я на выходные поеду на день рождения Динки на дачу?».

И теперь меня вело. Меня вело от вернувшегося вновь ощущения приближавшейся свободы. Откуда-то сзади раздались пьяные крики. Повернулась и увидела толстого потного мужика в ярко-жёлтой кепке и расстёгнутой цветастой рубашке. Он тряс бокалом с алкоголем перед лицом стюардессы, а я...я себя чувствовала примерно такой же пьяной. От счастья.

– Сэла на мэсто! Быстро!

Громкий голос со страшным грубым акцентом проорал у самого уха, и я инстинктивно упала обратно на жёсткое сиденье. Старый, весь дребезжащий минивэн, провонявший потом и рвотными массажами, вновь подбросило на крутой дороге, и слева от меня слышались женские визги.

– Заткныс!

Звук удара и негромкий крик. Мне ни черта не видно, так как окна машины задёрнуты чёрными непросвечивающими шторами.

– Куда ты нас везёшь?

Я схватилась за потную волосатую руку и сжала её так сильно, что ублюдок громко зашипел, отталкивая меня от себя.

– Отпусти! Совсем охрэнэла? Шилюха!

Я не успела заметить, только почувствовать хлёсткую пощёчину, от которой будто загорелась кожа на скуле.

– Ты! Ты знаешь, кто я? Ты знаешь, кто мой отец, урод? Куда ты меня везёшь? Да когда мой папа узнает, что ты...

– Если, – моего лица коснулось горячее дыхание, смешанное с запахом дешевых сигарет, – если твой атэц узнает!

Сильный толчок в плечо, и я опять падаю на сиденье. Так...собраться. Мне надо собраться. Это всё...всё это не может быть правдой. Мне всё это снится. На самом деле я ещё в самолёте. Устала от полёта и сплю. И этот кошмар...это всего лишь плод моего воображения. Мы долетим, и я проснусь. Проснусь, чтобы окунуться в то самое счастье, в ту свободу на пять дней. Ведь он обещал. Мой красивый, умный парень с глубокими семейными ценностями и мегаобворожительной улыбкой. Он ведь, мать его, обещал!

И я зажимаюсь изо всех сил, пытаюсь отстраниться от этих криков, от чьих-то всхлипов и стонов. Сколько здесь девочек? Я не успела посчитать. Кажется, меня сюда втолкнули последней. Я только успела заметить несколько напуганных молодых женщин в минивэне.

Ужасный сон. В нём был он. Мой Мухаммад. Это он меня сюда привёл. Во сне он чужой. Больше не тот мой ослепительный восточный красавец с добрым взглядом и белоснежной улыбкой. В этом сне он улыбнулся всего лишь три раза.

Первый – при встрече. Когда я растерянно озиралась в аэропорту Стамбула, прижимая к себе свою сумку, чья-то сильная ладонь обхватила мою руку и резко развернула к себе.

– Ну здравствуй, детка!

Красивыыый. Господи! Какой он невероятно красивый был, глядя на меня с той самой своей потрясающей тёплой улыбкой. Стоит передо мной, глядя сверху вниз, жадно рассматривая, а мне почему-то становится неловко. Инстинктивно отстранилась, отступая на шаг назад.

– Здравствуй! Я...я долетела

Боже, что за глупости я несу! Становится таааак стыдно. Хочется провалиться сквозь землю. Особенно когда уголки его губ поползли насмешливо вверх. Но потом он произносит слова, которые стирают всю неловкость, слова, которые заставляют облегченно рассмеяться.

– Я так ждал тебя!

Да, это сон. Он продолжится прогулкой из аэропорта до трассы, где Мухаммад поймает машину.

– Нас должен был подвезти мой друг, но у него тачка сломалась.

Скажет, извиняясь и закидывая мою небольшую дорожную сумку на переднее сиденье, а сам устраиваясь сзади со мной. Правда, сон слегка испортит его попытка взять меня за руку. Слишком быстро. Да, наверное, это оказалось для меня слишком быстро, и я выдернула ладонь. Парень удивленно посмотрел на меня, прищурившись, но затем еле заметно пожал плечами и улыбнулся. Во второй раз. Успокаивая. То, что нужно было мне в тот момент. Умиротворение просто от его запаха, от жара его тела рядом со мной. Больше даже во сне пока не могу ему обещать.

В третий раз он улыбнётся по-другому. Так, как я не видела до этого. В третий раз эта улыбка будет напоминать скорее оскал. Когда он отпустит такси и спустится со мной к какой-то стоянке возле самого пляжа. Когда к нам подойдёт этот мужик. Высокий, толстый, с покрасневшей на солнце лысиной и потной короткой шеей. Когда этот мужик что-то скажет на турецком Мухаммаду и сам же засмеётся. А потом я отскочу от него назад, когда урод посмеет шлёпнуть меня по заднице.

– Харащё! Маладэс! Эта харащё!

Он цыкнет, вновь засмеявшись и демонстрируя гнилые зубы. А затем резко схватит меня и прижмёт к минивэну, стоявшему рядом. И мне кажется, я слышу какие-то голоса сзади себя. Женские. Крики о помощи?

– Что это? Что происходит, Мухаммад? Кто это?! Куда ты меня привёл?

Я смотрела на своего парня, пытаюсь вырваться из лап турка, и видела, как менялось лицо Мухаммада. Его черты заострились, губы плотно сомкнулись, исчез блеск из глаз, и презрительно поползла вверх правая бровь.

– Туда, где тебе самое место. Маленькая русская шлюха.

Он протянул руку, и жиртрес вложил в неё несколько зелёных купюр.

- Тавай. Тавай! Корабль скоро отплывёт. Нэкогда.

Толстяк рванул влево дверь машины, открывая её. А потом появился он. Тот самый оскал на лице Мухаммада.

- Пришло время освежить твои воспоминания, детка!

Глава 4. Макс

- Ох***ая телка, смотри.

Глеб не сдержался, улыбнулся, когда Зверь многозначительно поиграл бровями, подтолкнув парня локтем и указывая на танцевавшую на сцене блондинку. На самом деле Глеб не столько слышал Макса, сколько прочитал по губам, когда тот резко развернулся к нему и дотронулся до руки. Так же по губам Воронова понял, что тот цыкнул, покачав головой, когда стриптизёрша плавно изогнулась, стоя к ним спиной и соблазнительно двигая круглыми ягодицами.

Глеб кивнул, несмотря на то, что Зверь уже смотрел перед собой, а не на него. По залу пронёсся глубокий громкий стон, десятки мужчин выдохнули разом, и Глеб быстро взглянул на сцену и тоже резко зашипел. Да, девчонка была не просто красива, она была невероятно хороша в своём соблазнительно-порочном танце.

- Охренеть!

Кажется, он вслух это сказал. Взглянул на Воронова и усмехнулся вновь. Как раз в этот момент Зверь в очередной раз раздражённо посмотрел на часы. Сильные пальцы недовольно сжались в кулак, пока Макс что-то пытался разглядеть на циферблате.

- На самом деле необязательно тут изображать из себя альфа-самца, Зверь.

– А?

Воронов вскинул голову, не сразу поняв, что парень к нему обращается.

– Спросил, что тебя на самом деле волнует? Ты на неё, – кивнул в сторону сцены, – один раз только посмотрел.

Ага, несмотря на то, что девка перед ними извивалась минут пятнадцать уже, не меньше. Звезда местного клуба. Видимо, для всех мужчин, сидевших здесь, кроме Зверя. Глебу нравилось думать о том, что у Воронова, видимо, есть своя собственная звезда.

В этот момент загорелся экран смартфона Макса, и тот нетерпеливо смахнул уведомление пальцем. Заминка, и довольная широкая улыбка медленно расплзлась на красивом смуглом лице.

– Тебе оставил, брат! Любишься, можешь и того, – и вновь игриво покачал головой, – только до дыр не сотри девчонку. А я пошёл.

– В смысле ты пошёл? А как же Андрей?

Они что зря просидели почти час в этом клубе, ожидая Андрея?

– Он написал, что улетел по срочному делу к жене и не сможет приехать. Короче, встречу с новым партнёром отменили, парень. Свобода. Я пошёл.

Зверь повторил, вновь посмотрев на часы.

– Давай. Иди.

Глеб хлопнул его по плечу и долго ещё смотрел вслед, наблюдая за тем, как высокий стройный мужчина плавно и в то же время быстрым шагом покидал клуб. Почему он в очередной раз улыбался? Ему понравилось то, как Зверь торопился уйти. Потому что Глеб знал, к кому. Как знал и то, что едва ли Воронов запомнил даже цвет волос вертевшейся перед ним битую четверть часа танцовщицы. Всё то время, что они ждали Андрея с новым чешским партнёром по бизнесу, Максим Воронов был мыслями где-то далеко. И да, это безумно

приятно осознавать, что мысли Зверя сегодня всецело принадлежали сестре Глеба.

* * *

Мне это не нравилось. Нет, не так. Меня это откровенно бесило. Раздражало просто до жути. Как может раздражать песок на зубах. Это грёбаное время, которое словно застряло где-то, не желая двигаться вперёд. Где-то в километрах между мной и ей. Моей маленькой девочкой с самым голубым взглядом на свете. Так, надо закрыть глаза и попробовать сосредоточиться на чём-то другом. А вот...надо будет Андрею сказать, что мне этот Новак не понравился. Мутный тип какой-то. Зря брат считает, что он поможет закрепиться в Чехии и расширится нашему новому филиалу. Он будто осторожно пытался выведать о возможности провоза нелегала по нашим путям. Ублюдок. Главное, Андрей был уверен, что Новак – кристальнейшей белизны бизнесмен. Угу. Наверняка, вот только чех явно неплохо покопал по нашей семье и, видимо, решил, что может зайти на нужную ему тему именно через меня. Выделил, так сказать, паршивую овцу в стаде, через которую мог бы действовать. Пришлось разочаровать придурка и продемонстрировать ему волчьи зубы.

Завибрировал телефон в руке. Фото Дарины у зеркала. Твою ж мааааать! Да никакое это не фото у зеркала на самом деле. Это взрыв мозга просто.

«Просто хотела показать своё новое платье. Нравится?».

И невинный, чёрт бы её подрал, смущённый смайл, смотрящий вниз.

Просто она хотела показать. Ага. Надела на себя обтягивающее кипенно-белое шёлковое платье с лямками, кажущимися нитками на хрупких плечах, и смеет что-то еще спрашивать? Увеличил фото пальцами и едва не застонал, увидев торчащие сквозь тонкую ткань соски.

«Маленькая наглая девочка решила подразнить Зверя?»

И смотреть, словно какой-то зачарованный придурок-подросток на экран смартфона, выдохнув, когда прилетел ответ.

«Дразнить? Я? Я не посмею. Просто...хотела спросить, тебе нравится? Я хотела поехать в нём на концерт Лексы сегодня».

Чёрт, я даже услышал её деланно беспечный голос в этот момент и представил, как она пожимает плечами.

«Надеюсь, ты одобришь.»

СТОП! ЧТО???, КУДА ОНА СОБРАЛАСЬ В ЭТОЙ НОЧНУШКЕ ПОВЕРХ ГОЛОГО ТЕЛА.

«Нет, не одобрю. Ни платье, ни концерт! Не смей в нём выходить из нашей спальни до моего прихода!»

«Ты же приедешь только через два дня. Обещаю вести себя хорошо!»

Иии...вышла из сети. Маленькая. Наглая. Дрянь. Которая просто жаждет быть наказанной и даже не скрывает этого.

Как же я соскучился по ней. Неделю? Мы не виделись почти неделю, хотя казалось, что эти семь дней растянулись в бесконечность. Мерзкую, тоскливую, серую бесконечность. БЕЗ НЕЁ. И к концу этой грёбаной недели я уже ненавидел всех и вся. Те страны, в которых успел побывать за это время. Тупых контрагентов, не желавших соглашаться с нашими условиями или же тянувших время до своего согласия. На короткие мгновения от мыслей о НЕЙ отвлекали другие, тревожные мысли. О том, что неспроста все эти заминки. Эти бизнес-партнёры, выдвигающие странные условия, невыгодные для нас, несмотря на то, что по телефону они соглашались на наши. Словно за небольшой промежуток времени какая-то третья сила вмешалась в наши переговоры и потребовала от них отступить.

Чёёёрт...во сколько там этот концерт Лексы должен начаться? Я успеваю? Заодно стало понятно, что там за неотложные дела появились у Андрея.

Некоторые из них продолжали называть меня Зверем. Желая показать свою близость ко мне или же уважение, чёрт их разберёт. Но они ошибались, думая, что это имя отражает лишь мою жестокость и бесчеловечность. На самом деле я чувял, как тот самый настоящий зверь, приход чего-то плохого, страшного. Беда.

Я ощущал, как стекается она к моим ногам вязкой кровавой массой, ещё немного, и её края будут лизать носки моих туфель. И если я не пойму вовремя, откуда, с какой стороны эта дрянь пробивается к нам, если не вычислю, кто её запустил, то уже первая волна будет способна захлестнуть нас с головой. Впрочем, когда это Вороновым спокойно жилось?

Примерно такой ответ прислал мне Андрей, когда я написал ему, что меня настораживает обстановка в Европе.

О, вспомнишь брата, вот и он! Правда, пока в виде сообщения.

«У нас будет примерно час, поговорим в ресторане у концертного зала».

«Ага. Щщщщщааззз.»

Какой умный. Поди, приехал, сам вволю натрахался с женой и теперь на разговоры деловые его потянуло.

Потом. Всё потом. Беседы с братом, сватом, друзьями, врагами. Поиски проблем и их решений. Весь мир не просто подождёт. Весь мир тупо будет поставлен на паузу, пока я не насыщусь ею. Своей женщиной. Своей девочкой. Я слишком соскучился по Дарине, чтобы сосредоточиться на чём-то кроме неё. Нет, нас двоих. Вместе. Наедине. Прямо возле того зеркала, в котором бы смотрел, как прилипает этот девственно-белый чистый шёлк к её мокро коже, пока я грязно имею её во всех позах.

Дьявол! Да. Я вдруг до боли захотел сделать её грязной. Испачкать в очередной раз собой. Представил, как сожму в своих руках гибкое тело, и в висках зашумело. А в нос ударил запах её разгорячённой кожи. Он идёт от шеи, от того места, где начинается ключица. Я обожаю вдыхать его, пока впиваюсь зубами в тонкую кость. Раскрошить. Да, я хотел её раскрошить собственными ладонями. Ни капли нежности. Только грубость. Первобытная, дикая, необузданная грубость. Я слишком истосковался. Слишком долго я был без неё. Надо было взять Дашу с собой. Только тогда хрен бы я смог нормально работать.

Бл**ь! Этот ублюдский самолёт просто обязан вовремя приземлиться, чтобы я успел до концерта. Потому что только от одной мысли, что вредная малышка посмеет пойти на него в этой проклятой ночнушке...только от одной этой мысли в голове начинали раздаваться звуки набата. По всем тем самцам, которым не повезёт просто оказаться рядом с ней. Или посмотреть на мою жену. Сейчас я готов был убить каждого гипотетического мужика в радиусе километра от неё и за меньшее.

А ведь ещё предстоит поездка в детский дом, над которым недавно Дарина взяла шефство. Она говорила, что как раз повезет детей на концерт Лексы. А потом организует аукцион для местной знати, все собранные деньги с которого должны пойти на помощь её детскому дому.

Чёрт, когда она рассказывала о своих планах, сидя напротив меня дома, абсолютно голая, после нескольких часов секса, и смотрела на меня с ожиданием, они мне не просто понравились. Я был восхищён этой идеей. И одновременно горд тем, что делает моя девочка. Сейчас? Сейчас меня откровенно злило всё, что могло оттянуть нашу встречу. Помешать ей. Даже дети из детдома. Дьявол, да я бы сейчас и Иисуса Христа оставил стоять в фойе самого Рая, ожидая, когда мы закончим.

«Я в ресторане. Жду тебя!»

Воронов. Наивный. Хотя нет, скорее, наглый. По хрен. Подождёт. Приятного ему аппетита.

Не заметил, как доехал до детского дома, полагая, что Даша, наверняка, решила сама сопроводить детей на концерт. Вот она. Дверь в кабинет директора приюта. По телу ударила волна предвкушения. Дарина ждёт меня только послезавтра. Ждёт меня. Охереть. Как же всё-таки эта мысль греет, даже после стольких лет брака!

Моя девочка явно заслуживает небольшого сюрприза за своё хорошее поведение. Она его обязательно получит. Прямо сейчас.

Дарина стояла спиной ко мне и разговаривала с директором детдома, низким полным мужчиной с широкой лысиной, глаза которого неестественно округлились. Он открыл рот, пытаясь поздороваться, но тут же захлопнул его, когда я быстро кивнул на дверь. Пробормотал какие-то извинения и поспешил к выходу. А я машинально отошёл в сторону, пропуская мужчину и в то же время не желая пропустить реакции. Её. На меня. Когда она резко обернулась, и её глаза расширились, а на губах расцвела радостная и полная неверия улыбка. Она застыла, ошарашенная...и я сам оцепенел, остановившись и чувствуя, как перехватило дыхание. Мать её!

ТО САМОЕ ПЛАТЬЕ! Эта чертовка всё-таки сделала по-своему. Посмела надеть его, несмотря на мой запрет...но я не чувствовал ни злости, ни раздражения...только желание. Дикое желание наброситься на неё. Когда увидел эти стройные бёдра, по которым струилась белыми волнами нежная ткань. Взглядом прошелся по хаотично вздымающейся груди, четко очерченной неглубоким декольте. И нервно сглотнул от вида, роскошных волос, каштановым водопадом ниспадающих на обнажённые плечи и спину

– Я когда-нибудь привыкну к тому, КАКАЯ ты красивая, Дашааа?!

Выдохнуть, сделав шаг навстречу, чтобы тут же схватить Дарину в свои объятия.

– Мааакс, – она отстраняется, поднимая кверху голову и глядя в моё лицо, – ты вернулся? Ты вернулся, Максиииим! – трогает прохладными тонкими пальчиками моё лицо, а мне кажется, что кожу обжигает, – Ты обманул меня!

Усмехнулся и притянул её обратно к себе, вдыхая запах волос. Как же я скучал. Пи***ц какой-то!

– Обманул, Дарина. Но, если хочешь, – провёл рукой по щеке, – я могу уехать и приехать послезавтра. Хочешь?

И вновь усмехнуться, поймав сердитый взгляд:

– Ни за что! Я так соскучилась по тебе, а ты бессовестно меня дразнишь. Есть у тебя совесть, Воронов?

– Нет, малыш, я не дразню, – я склонился над губами, чувствуя лёгкий аромат её духов и глядя на то, как Дарина закусилa нижнюю губу. Ччччёрт...в паху отчаянно заныло, – я всего лишь проверяю, так ли ты сильно хотела меня, как я тебя. Всю эту долбаную неделю. М, Дарина?

Она судорожно вздохнула и еле слышно выдохнула:

– Ужасно. Я ужасно изголодалась, Мааксиим.

Подалась вперёд, касаясь губами моего рта, но я отстранился...точнее, заставил себя отстраниться, впиваясь пальцами в её плечи, и прошептал:

– Тогда покажи мне, насколько ты голодна, малыш. Покажи, чтобы я поверил.

* * *

– Показать? Что именно хочет увидеть мой Зверь? – Дарина прикусила нижнюю губу, и я инстинктивно склонился к ней, не в силах отвести взгляда от этой картины.

– Ну же, малыш...

Чувствуя, как мелкая дрожь передаётся от неё мне через пальцы, сжимающие плечи. Она не понимает, я и сам не понимаю, почему вместо того, чтобы опрокинуть её прямо тут, прямо на этом долбаном столе, я хочу услышать эти слова. Растянуть это одержимое ожидание наслаждения. То самое ожидание, что сейчас бьётся бешеными аккордами её сердцебиения. Они отдаются мне в руку. Моя девочка срывается. Я не только слышу это по хаотичному стуку в груди, я вижу этот срыв в её глазах. Потемневших за доли секунды. И я знаю, от чего. От тех картин, что вспыхнули в её голове. Несколько мгновений до того, как нас обоих всё же толкнёт в пропасть. Интересно только, кого первым...

Тонкая ручка скользнула к ремню брюк, нервно пытаюсь выдернуть его из пряжки.

– Ц-ц-ц...Какая наглая девочка...

Перехватил её запястье, привлекая к себе.

– Посмотри на меня. Да-ри-наааа! Ты ведь слышишь меня, малыш...я знаю, слышишь, – губами проводя по бархатной скуле, – Мне мало просто грязно оттрахать тебя на столе этого директора.

И сцепить зубы, услышав тихий стон.

– Давай. Покажи мне, как сильно ты скучала. Покажи и озвучь.

Слегка отстранившись от неё, чтобы обхватить пальцами подбородок и поднять лицо к себе, всмотреться в полупьяные глаза.

– Как озвучивала эти дни по телефону, дразня и доводя меня.

– Это...месть, Воронов?

О да!

– Нет, это награда.

И с силой впиться в её губу. В ту самую, манящую, нижнюю, которую она прикусила вновь. Чёееёрт!

– Давай!

И эта маленькая...стерва отошла на шаг и, медленно опускаясь на колени, прошептала:

– Я...я встану на колени и буду ласкать тебя...твой член языком. Тебе нравится смотреть на меня сверху вниз, Максим? Тебе нравится эта картина?

Ох. Ре. Неть. Смелая. Нет. Дерзкая. Она редко бывает такой наглой. Откровенной. И мне это нравится. Нет. Меня это заводит. Еще больше. Хотя, казалось бы, куда уж дальше...но, мать её, заводит же! Рвано выдохнул, не успев сдержать вылетевшее изо рта:

– Это такая месть?

Ииии эти чёртовы пухлые губы, растянувшиеся в самую коварную улыбку:

– Нет, это награда.

И, кажется, я слышу, как забурлила в венах собственная кровь. И очень явно чувствую окаменевший в штанах член.

– Как? Как ты собираешься ласкать его, Дарина?

Хрупкие пальцы с силой дёрнули мой ремень, затем – язычок молнии на брюках. Подняла на меня глаза. Тёмные, полные страсти. Хотя нет. Хрен там страсть. Агонии. Я видел в них ту же агонию, что сейчас сжигала меня. Необходимость разрядки. Быстрой. Мощной...и я, как самый последний ублюдок перед тем, как дать её своей жене, собирался продлить эту боль. Общую на двоих.

Дьявол! Какая же она нежная. Чистая, да. До неприличия чистая, невинная, когда смотрит на меня вот так, снизу. С этой самой мольбой во взгляде. Не понимает, какой калейдоскоп эмоций взвивается во мне сейчас. От восторга и желания осторожно ласкать кончиками пальцев до дикой потребности раскрошить самым варварским образом эту невинность.

– Я возьму ЕГО в руки и мееееедленно оближу... вот так, – и, действительно, нереально меееедленно провела языком от основания до самой головки, и я выругался сквозь зубы, вцепившись в стол и пытаюсь удержать себя от вновь взметнувшегося желания взять Дарину быстро и грубо. Отыметь эти покрасневшие пухлые губы. Так, чтобы потом говорить не могла. В противовес движениям её языка, осторожным, несмелым...Пи***ц! Моя девочка.... Взяла в рот одним движением, и член с готовностью дёрнулся в ответ.

– Дааа...так, малыш.

И тут же схватить за волосы и оттянуть ее голову назад, потому что она зажмурилась.

– Смотри на меня.

Мне это надо. Мне это, мать её, капец как надо! Смотреть на то, как погружается член в её маленький ротик, как исступлённо она сосёт, поступательно двигая головой. И больше не разрывая зрительный контакт. Это то, что я видел каждую грёбаную ночь в грёбаной Чехии. То, от чего просыпался среди ночи с каменным стояком, как пацан пятнадцатилетний, и плёлся в душ, чтобы хотя бы немного успокоиться. На четвертом, мать его, десятке!

- Дальше, малыш? - не узнавая собственный голос, - Что сделаешь потом?

И застонать, когда всё-таки она полетела вниз. В ту яму...нет, в пропасть. Когда схватила моё лицо горячими пальцами и приникла к губам, шепча прямо в них. Рвано, задыхаясь, почти целуя:

- Возьми меня, пожалуйста, Маааакс....я не могу больше, - прерывается на поцелуй, - Пожалуйста...любимый...

- Как?

Вот так, сдавшись, как всё тот же малолетний паренек, просто сдавшись от этой мольбы...или же от невозможности самому продлевать эту агонию. Просто я слишком голодный. Слишком.

- Как тебя взять, Да-ри-нааа?

И едва не взреветь вслух, когда чертовка подошла к столу и, сев на него, развела ноги в стороны, чтобы прогнувшись в спине, хрипло скомандовать:

- Грубо. Быстро. Здесь. Сейчас, Воронов.

Крышу снесло моментально. Не знаю от чего больше: от тона её приказного или от позы. Просто на хрен вихрем. И я даже не смотрел, в какую сторону её понесло. Потому что перед глазами была только она. Дарина. Моя женщина, платье которой задралось на бёдра так, что я увидел...ЭТА ДРЯНЬ НЕ НАДЕЛА БЕЛЬЯ!

Кажется, я даже зарычал. Когда она скользнула маленькой ладошкой между своих ног, вызываясь глядя в мои глаза.

Раз. Я возле Дарины. Два. Откинул её ладонь, чтобы накрыть горячую плоть своей. Три. Обхватить свободной рукой тонкую шею. Четыре. Приблизившись к её лицу настолько близко, чтобы сучка поняла, что ей конец. О, и она отлично это понимает сейчас! За то, что посмела в таком виде выйти из дома. Разговаривать с директором. Без, мать её, трусов! В машине с водителем. По пути с охранниками. Абсолютно голая в этой своей ночнушке!

Слегка стиснуть шею рукой...иии застонать вместе с ней. Когда одновременно с этим начал ласкать большим пальцем клитор. Закатывает глаза, откидываясь спиной назад, расставляя шире ноги и тихо всхлипнув. Оглушая своим дыханием. Или это моё, не могу разобрать...

И я понятия не имею, каким, дьявол подери, чутьем ощутил, что дверь позади нас распахнулась. Именно ощутил, а не услышал. Но от одной только мысли, что её могут увидеть вот такой, открытой, распластанной на столе, внутри будто взревела разом сотня обзлѐнных зверей.

Быстро развернуться так, чтобы прикрыть Дарину своей спиной и прорычать сквозь шум в ушах охреневшему директору приюта:

– Вали отсюда!

* * *

Ублюдок свалил. Не один, правда. Потому что Дарина «невероятно опаздывала на концерт, а этого никак нельзя было допустить» и что-то еще, какие-то ещё идиотские причины, которые торопливо шептала мне жена, поправляя своё платье и причёску.

– Прошу, любимый, он быстро закончится...

Ага, это я быстро закончусь тут. От неуголѐнного желания и адской боли в яйцах.

– Я...ты можешь наказать меня...потом.

О, обязательно. Это даже не обсуждалось. И она зря думала, что моё наказание ей понравится.

И да, я отпустил её. Приказав ехать на идиотский концерт через магазин нижнего белья, или же это был бы её последний выход из дома без меня. И Дарина точно поняла эту невысказанную угрозу. Нет, я поехал вместе с женой, потому что при словах о концерте Лексы в голове вспыхнули сразу несколько самых грязных фантазий...

Глава 5. Дарина. Макс

Чаще бывало наоборот. Чаще по делам выдёргивали в самые неподходящие моменты именно Макса. Все эти их невообразимо важные мужские дела. Последние дни, например, нам мешал Стефан. Не люблю этого наглого типа. Он появился у нас несколько лет назад, примерно перед той аварией, в которой мой муж ослеп. Появился в его окружении как приближенное лицо. И после нашего возвращения из Чечни стал правой рукой Максима. То ли серб, то ли болгарин. Я так точно и не поняла. С очень странной фамилией Радич.

Хорошо помню, насколько быстро его отношение ко мне изменилось, как только наши отношения с Максом испортились...Он тогда был в компании вместе с моим мужем и он занимался охраной того дома, в котором меня заперли. Радич относится ко мне, как и к любой девке, которая волочится за Зверем. С одним отличием, что я все же требую к себе уважения, точнее, Максим надерет ему задницу, если он не будет оказывать должного почтения. Но если этот верный пес услышит "фас", то разорвет меня на части, не задумываясь.

Но сейчас я ненавидела несчастного мужчину, директора нашего приюта, почти так же, как и Радича. Потому что все тело буквально зудело от неудовлетворенного желания и последнего взгляда мужа, который он бросил на меня со злым рыком. Мелькнула короткая злорадная мысль, что теперь он поймет, каково это – слышать в таком состоянии его вечное: «Я вернусь, малыш, мы продолжим, и не смей заканчивать без меня, я запрещаю».

Каково это, когда невыносимо тянет получить разрядку именно так, как он сам меня научил. Максим раскрыл мою чувственность до конца, считая любое

смущение и преграды. Никаких запретов. Теперь я и сама ловко пользовалась всеми теми уловками, которые могли свести его с ума. Но с ума сходила, и я сама. Последнее время все больше, потому что томилась от постоянных разлук, от этих женщин, которые окружали его, везде и повсюду. Флирт, голодные взгляды самок, мечтающих урвать ласку, готовые ползать у его ног в низменном желании исполнить любую прихоть. Как долго Максим будет оставаться полностью моим? Как долго я смогу быть уверенной, что я единственная? Я училась не ревновать, справляться с эмоциями, но иногда это было просто невозможно, и мною овладевало отчаяние. Я верила ему, но в то же время всегда боялась потерять...потерять себя в его сердце. Каждый раз, когда Макс отдалялся, я сходила с ума от дикой ревности и не смела ее показать никому. Даже ему. Я – жена Максима Воронова и не унижу себя подозрениями, расспросами и недоверием, но я женщина...безумно влюбленная в самого непредсказуемого и жестокого мужчину из всех, кого когда – либо встречала. От меня ожидают соответствия статусу, ведь я ЕГО жена. Я та, кто удостоился любви самого Зверя, та, кто носит его фамилию, и я не имею права на унижительную ревность.

Медленно выдохнуть, спускаясь за директором на улицу. Все будет хорошо. После всего, что мы прошли вместе, меня не сломают такие мелочи. Это не про нас. Это слишком ничтожно, по сравнению с тем, что нам удалось преодолеть. Выступление Лексы немного отвлечет от всех этих мыслей, я давно не выезжала в свет, давно не чувствовала немного свободы. Проверила, что сотовый работает, посмотрела на свое отражение в зеркале – великолепный вечерний наряд, белое платье от "Коко Шанель", короткое спереди и со шлейфом сзади, полностью открывающее плечи с вкраплением серебряных нитей, и нитка бирюзы на шее. Я распустила волосы и расчесала до блеска. Нет времени на парикмахеров. Вспомнилось, как любит говорить мой муж: "твои волосы сами по себе великолепное украшение, ты не нуждаешься в вычурных прическах". Да, он любит мои локоны, относится к ним с каким – то поклонением, а мне нравится, когда он к ним прикасается, наматывает на пальцы или больно дергает за них, усиливая мое наслаждение его властью, в то время как бешено овладевает мной сзади...О, Боже... как я истосковалась по нему!

Я бросила взгляд на часы и, прихватив сумочку, вышла из комнаты. После сбора средств для фонда мы поехали домой к Изгою. Весь вечер я ждала Максима, смотрела на часы, несколько раз набрала его номер, но позвонить не решилась. Не хотела мешать. Если он обещал вернуться побыстрее, то обязательно вернется. В конце концов, толпа утомила меня, и я вышла на улицу подышать прохладой. Я сидела в беседке, прислонившись спиной к холодному мрамору, и

думала о том, что все эти три года я была безмерно счастлива. Каждый день, каждую минуту с ним, с нашими детьми, с недолгими

встречами наедине, но мое счастье граничило с дикой эйфорией. Я впитывала и наслаждалась каждой секундой, потому что жизнь научила меня ценить мгновения.

* * *

- Совсем охренел, Макс?

Я повернул голову влево, глядя, как Воронов усаживается на кресло рядом со мной. Невольно задумался о том, как он может делать это с таким чувством осознания собственного достоинства и великолепия, что аж тошно стало. Он был идеален даже в этом.

- Опаздываешь.

- Конечно, - я прочитал это слово по его губам, даже не услышав его, потому что Андрей слегка прикрыл одну часть лица ладонью, при этом умудряясь презрительно шипеть на меня с другой стороны, - я же, как идиот, сидел и ждал тебя в ресторане, а ты тут...а у меня новая информация появилась...а кстати, что ты там делал, твою мать, что не пришёл?

О, поверь, тебе лучше не знать.

- Я же предупредил, что не приду. Ты почему-то решил иначе. Ну и кто тебе доктор?

Он сжал ладонью подлокотник кресла, бросив на меня такой уничижающий взгляд как раз в стиле Андрея Воронова, что я ярко представил эти пальцы на моей шее. Причём так явно, что на секунду даже стало трудно дышать.

- Ты еще и моё место занял.

Вот как можно говорить одновременно еле слышно и при этом настолько угрожающе, что любого другого ублюдка это бы напугало? Бесспорный талант, нельзя не признать.

– Нет, я занял место рядом с моей женой.

– И оно принадлежит мне вообще-то.

– Оно, как и моя жена, принадлежит только мне, Воронов. Смирись.

Вы когда-нибудь слышали звук закатывающихся глаз? А если он еще на фоне громких аплодисментов, раздавшихся, когда Лекса вышла на сцену? Нет? А я вот, кажется, слышал. Очень и очень, и очень громко, причём.

– Позёр.

Слегка склонившись к брату, который даже хлопать умудрялся элегантно. Ну чистой воды позёр. Особенно, когда широко улыбнулся жене, остановившейся напротив него и произносившей речь под биты собственной песни.

– Прости, любимый.

От тихого голоса, прозвучавшего у самого уха, по затылку мурашки пробежали. И следом за ними там же прошлись тонкие горячие пальчики, заставив на мгновение затаить дыхание.

Дарина. На это ведь способна только она. Вот так появиться словно из ниоткуда и растворить весь окружающий мир в доли секунды. Одним словом. Хотя нет. Не словом, конечно. Выдохом. Горяячим. Обдающим ухо струёй настолько жаркого воздуха, что собственные брюки становятся пи**ц какими тесными.

Она отходила проверять детей. На концерт оставались старшеклассники, для малолеток он, конечно, не подходил. Жадно смотреть, как Дарина поправляет выбившийся из наспех собранных в высокий хвост волос локон, параллельно нежно улыбаясь Лексе. Я, наверное, совсем конченный идиот, что чувствую уколы ревности в этот момент? Даже когда она улыбается и смотрит на свою подругу и невестку? Иначе как объяснить это вспыхнувшее на короткий миг раздражение,

когда её внимание занял кто- то другой. Или другая. Сразу после того, как она смогла вновь возбудить меня одним прикосновением.

Реальная одержимость на пару с желанием доказать этой маленькой ведьме, кому на самом деле должны доставаться сто процентов её внимания. И улыбок. Особенно улыбок.

– Так волнуюсь, – она склоняется ко мне, касаясь легко ладонью моего запястья, и кивнув головой на широкий проход в зале. Там стояла толпа детей, громко закричавших, когда Лекса начала петь, – Еле получила у директора разрешение стоять им там. Они не захотели сидеть. Хотят танцевать и всё такое.

– А я тебя хочу.

Резко. Повернувшись к ней всем корпусом, и на ухо. Чтобы ощутить кожей, как моментально она напряглась. Чтобы смотреть, как забились нервно вена на шее. Короткие секунды, пока в зале не потух свет, а я не ощутил, как сжались на запястье те самые горячие пальчики.

– Эту проблему как решишь?

Сглотнула. И посмотрела на меня. Застыла, и я вижу, как её взгляд медленно опускается по моему лицу. К губам. Потом вверх – на глаза.

– М? Малыш?

Наклонившись ниже, чтобы чувствовать, каким рваным и горячим вновь стало её дыхание. Мучить её? Я думал, что хочу заставить её страдать за то, что сделала она. За то, что не послала к чертям и директора, и приют, и детей, и Лексу с её долбаным концертом, и вынудила меня прерваться и ехать сюда. В эту огромную толпу людей. В то время, как сейчас мы могли бы...а эта ведьма просто переиграла меня. Одним предложением. Одним грёбаным ёмким предложением. Нет, вопросом. Провокацией. Вызовом.

– А разве не ты решаешь проблемы в нашей семье?

И прикусила нижнюю губу. Вновь. Чтобы сорвать планки на хрен. Вновь. Чтобы заставить звону собственной крови в ушах затмить грохот рока, под который скакала на сцене Лекса. Стало жарко. Вновь. Нет, на этот раз невыносимо. Настолько, что стянул с себя пиджак и сложил его на колени Дарине. Расстёгивая верхние пуговицы рубашки и продолжая смотреть на неё, не в силах оторваться, да. В очередной раз. Где-то слева взревела толпа подростков под очередной громкий аккорд. Почти такой же громкий, как выдох Дарины, когда я засунул правую руку под пиджак и начал тянуть вверх её платье.

- Мааакс...

Скорее всего, это моё воображение рисует её тихий голос в ушах. Он сопровождается ещё одним выдохом, когда я подаюсь слегка вперёд, вместе с этим задирая подол платья под пиджаком. До тех пор, пока ладонь не скользнула под лёгкую ткань и не коснулась кружева трусиков.

- Мааакс...пожалуйста.

- Смотри на сцену.

В широко раскрытых глазах непонимание сменяется изумлением...и жаждой. Да, девочка, хочу, чтобы тебя припекало так же, как и меня сейчас. Когда хочется содрать с себя даже кожу от желания трахнуть тебя. Не хочу проходить эти пытки в одиночестве. Любые другие - пожалуйста. А эту - только с тобой.

- Макссс...

Шипит моё имя, быстро облизывая губы, когда я пальцами отодвигаю в сторону трусики, раскрывая её для себя.

- Смотри на сцену, Дарина.

Повторить, склонившись к ней, жадно рассматривая её побледневшее лицо, завораживающее в свете софитов. Завораживающе возбужденное. Дышит тяжело и быстро. Прерывисто. Тебе тоже не хватает грёбаного воздуха в этой дыре, малыш?

– НА. СЦЕНУ.

И она послушно, слиишком послушно и быстро отворачивается. Напряжённая. С прямой спиной и застывшим взглядом смотрит перед собой, всё сильнее стискивая пальцами мою руку.

Пока другая, правая, нагло шарит под пиджаком. Там, где так сладко горячо. Там, где стоит слегка раскрыть складки мягкой кожи и вооооот так надавить большим пальцем на маленький бугорок, чтобы раздался тихий...оооочень тихий вздох, а её ногти впились в моё кожу. Плеваааать. На всё плевать, кроме желания, неет, дикой необходимости, той самой, животной потребности наблюдать, как она пытается сдержаться. Как кусает губу, пока я растираю её плоть. И она позволяет это, откинувшись на спинку кресла и слегка подавшись вперёд бедрами. Почти на самый край кресла. Чёёёёерт. Её глаза прикрыты, а зубы неистово кусают нижнюю губу.

– Даринаааа, смотри. Не зарывай глаза.

И, бл**ь, едва не сдохнуть от осознания своей власти, когда она послушно распахнула глаза и вновь нервно сглотнула, сильнее расставляя ножки, позволяя скользнуть пальцем внутрь.

– Тебе нравится, малыш?

Прошептать, склонившись к её уху, проведя языком по мягкой нежной мочке, усаживаясь так, чтобы вновь скрыть свою руку от её брата.

– Да...

Слишком быстрый ответ. Слишком короткий. Он сопровождается таким же коротким всхлипом и новыми царапинами на моей руке.

– Тебе нравится быть оттраханной среди сотен других людей, Дарина?

И сцепить зубы со всей дури. Со всей долбанных сил, когда она вдруг подалась к моему уху, отвечая:

– Мне нравится быть оттраханной тобой. Везде.

А потом смотреть, как она громко выдыхает, прикрыв рот ладонью и глядя, как я облизываю свои пальцы после ее оргазма. Тихого. Почти неслышного для других оргазма, но такого оглушительно громкого для нас с ней.

Одна динамичная песня сменяет другую, проход заполняется людьми, которым так же хреново сидеть на своих местах, как и мне сейчас. Правда, причины у нас совершенно разные.

Глава 6. Дарина

После концерта Андрей сразу увёл Макса с собой обсудить какой-то насущный вопрос с мэром города, так же сидевшим в зале. Через несколько кресел от нас. Боже...какой же всё-таки сумасшедший мой муж! В такой близости от Андрея, от других людей, каждый из которых в любой, господи, в любой момент мог заговорить с нами. Мой любимый психиатр!

А мне пришлось возвращаться вместе с детьми в приют, ощущая глухое раздражение. Что толку от его раннего приезда, если нам не дают насладиться друг с другом в полной мере?!

Я почувствовала его еще до того, как он появился. Возможно, ожидание обострило интуицию до предела. Вскочила со скамейки, уронив бокал с апельсиновым соком. Максим зашел в беседку и прислонился к косяку проема плечом, сложив руки на груди. Он напряжен, очень зол, взбудоражен и невероятно возбужден. Адский коктейль. Потом вдруг шагнул ко мне и взял за руку.

– Поехали, – хрипло произнес, сжимая мою ладонь, и мы молниеносно оказались у его машины. Я чувствовала, его скрытую ярость, но у меня не осталось сил на вопросы. Я понимала, что и он сейчас не может говорить. Мы на взводе. На пределе оба. Вечность разлуки, и с нами творится что – то невероятное. Мне казалось, что я лечу в пропасть на бешеной скорости, у меня дух захватывало,

Максим оставался самым загадочным и невероятным мужчиной в моей жизни, безумно желанным, невыносимым. Он галантно распахнул передо мной дверцу машины и захлопнул ее, когда я устроилась на переднем сидении. Сел рядом, и мы вихрем сорвались с места. Он всегда водил машину как дьявол. Я судорожно сглотнула и посмотрела на его профиль. Черты лица заострились. Его лихорадка передавалась мне, и, казалось, что я уже не дышу, каждый мой вздох – это стон нетерпения и дикого голода по нему.

Резкий взгляд темно – синих глаз на мои ноги, зрачки расширились и почти слились с радужкой, когда он увидел кружевную резинку чулок. Протянул руку и провел по моему колену. От прикосновения его пальцев меня пронзило током. Боже, какой он невероятно сексуальный за рулем! Эта щетина, неизменная сигара, чуть прищурившись, смотрит на дорогу. А пальцы медленно гладят мою ногу, поднимаясь все выше. Я в изнеможении закрыла глаза, закусив губу, когда эти пальцы коснулись голый кожи над резинкой чулок, непроизвольно сжала колени. Потому что, если прикоснется, я кончу, вот на этой бешеной скорости, когда он смотрит на дорогу и дерзко, бесстыдно сводит меня с ума, но не ласкает, только готовит и дразнит. Доводит до сумасшествия. Мои ладони впились в сидение, когда он властно раздвинул мне ноги. Я всхлипнула и посмотрела на мужа из-под полуопущенных ресниц, чувствуя, как плывет мой взгляд и как я источаю влагу. Когда – нибудь я перестану так дико его хотеть?

– Куда мы едем? – спросила я, и голос сорвался на стон, потому что он сильно сжал мою ногу, не позволяя свести их вместе.

– Я искал тебя дома. Ты не отвечала на звонки, – да, телефон разрядился, – мы едем обратно. Я буду трахать тебя под рулады твоей невестки, Даринааа.

Повернулся ко мне, и я вздрогнула от яростного голода в его взгляде. Боже...он разорвет меня. Я еще никогда не видела его настолько голодным. Даже грубые слова завели настолько сильно, что по всему телу пошли мурашки от предвкушения.

В концертном зале мне уже стало наплевать, где мы, сколько людей вокруг. У меня отказали все тормоза. Он рядом со мной. Здесь. От него восхитительно пахнет табаком, дорогим парфюмом и им самим. Я задыхаюсь от его близости. Весь контроль у него, я больше ничего не контролирую. Я соскучилась, истосковалась до боли в груди, извиваясь у него на коленях под грохот музыки, аплодисменты зрителей, а потом замерла, чувствуя, как сердце бьется в горле,

на секунду вспыхнуло дикое желание извиваться на нем до последнего, до оргазма, спазмы которого уже накатывали издалека, мягкими волнами неконтролируемого экстаза, но я сдержалась. Максим ведет. Всегда. Его пальцы вцепились в мое ожерелье из круглых украшений с топазами внутри, и он медленно снял его с моей шеи.

– Ты сейчас откроешь рот, малыш, и закроешь глаза, да? – прошептал, и от этого шепота по телу прошел электрический ток. Музыка то грохотала неистовыми аккордами, то стихала. Я томно закрыла глаза и приоткрыла рот, почувствовала языком камушек холодного ожерелья, щеки вспыхнули. Я не знала, что именно Максим собирается делать, но понимала, что, как всегда, это приведет к взрыву, невероятному, утонченному, порочному удовольствию, его фантазии не знали границ...или опыт...О, Господи! От предвкушения свело скулы. Я покорно облизала камушки и вся напряглась, чувствуя, как до боли затвердели мои соски и какой влажной я стала внизу, где все пульсировало от нетерпения и дикого возбуждения.

Топазы медленно выскользнули из моего рта, и Максим, подхватив меня за талию, пересадил в кресло. Я цеплялась за воротник его рубашки, пытаюсь притянуть к себе, но этот дьявол избегал поцелуя, доводя меня до отчаянного исступления, дыхание со свистом вырывалось из легких, обжигая горло. Я погрузилась в лавину безумия. Он сводил меня с ума, он полностью поработал мою волю. Откинулась на спинку кресла и увидела, как Максим опустился на колени, играя пальцами с камнями и глядя мне в глаза затуманенным первобытной страстью взглядом. Он обещал мне пытку наслаждением. Когда прохладные, влажные камушки заскользили по моей плоти, цепляя клитор, я запрокинула голову назад, и из горла вырвался хриплый стон, непроизвольно распахнула ноги шире, ломая ногти о поручни кресла. Когда вместе с прохладой топаза, безумно медленно скользящего по моему лону, почувствовала влажное, тянущее прикосновение его умелого, дерзкого языка к невыносимо возбужденной плоти, я жалобно застонала, но аккорды музыки заглушили мой стон. Максим резко дернул ожерелье вверх, продолжая быстро и жестко ласкать меня языком, и я с громким криком сорвалась в оргазм. Сокрушительный, разрывающий легкие и каждый нерв на моем теле на мелкие атомы невыносимого удовольствия на грани с агонией. Я непроизвольно вцепилась в его волосы и выгнулась дугой, наверное, я кричала, потому что Максим накрыл мой рот ладонью, и я впилась в нее зубами, содрогаюсь и захлебываясь криками. Почувствовала, как он ввел в меня горячие пальцы, и дернулась всем телом вперед. Максим грязно выругался, но я все еще не могла разобрать слов, я ослабела и плавилась, как воск, а по щекам текли слезы. Я с трудом приоткрыла

глаза, все еще подрагивая от невероятного наслаждения, встретила с Максимом взглядом и дух захватило от этой нереальной красоты, когда хищник уже не контролирует себя, когда все планки сорваны. Бледный, заостренные черты лица, подрагивающие, влажные от моих соков, губы. Я коснулась их, и он захватил мой палец ртом, прикусил, а я надавила на его зубы. Подводя его к тонкой грани, где он будет сдерживаться и в то же время безумствовать в свирепом желании рвать меня на части, а мне хотелось его одержимости, испепеляющего желания забрать все, что я могу ему дать,

забрать даже больше, жадно отнять меня саму. С ним, как на острие опасной бритвы, каждое его прикосновение режет вены, испаряет терпение, искушает, совращает и резким контрастом он вдруг нежно ласкает, безумно нежно, настолько трепетно, что внутри порхают бабочки, а потом снова сбрасывает в горячее сумасшествие, превращаясь из чуткого опытного любовника в похотливое, развратное животное. Нет предела его изощренной фантазии, каждая игра утонченней предыдущей, каждая ласка острая и невыносимая. Я дразнила этого зверя и никогда не знала, в какой момент лопнет тонкая струна и он сорвется с цепи, чтобы сожрать меня.

Сейчас я наслаждалась его голодом, зверь оскалился и жаждал драть меня на части. Хочу его бешеную жажду и этот взгляд: «ты напросилась, я порву тебя, малыш". Да, рви, не щади.

Максим лихорадочно дернул змейку на ширинке и резким толчком вошел в меня до упора, глухо застонал, и от разрывающей наполненности я вскрикнула, но пощады не будет. Все. Я в его власти, и он возьмет все, что захочет взять, без сантиментов и нежности, неистово и жестко. С каждым толчком я чувствовала приближающийся ураган, который сметет остатки разума. Максим яростно целовал мои губы, прокусывая нежную кожу, переплетая свой язык с моим, вторя хаотичным движениям его члена внутри меня, разжигая пожар, клочкотание голодной страсти. Закинул мои ноги на плечи, и я выгнулась навстречу, закрывая в изнеможении глаза, чувствуя, как он сжимает мою грудь, касается твердых, до боли напряженных сосков, как целует мои икры, проводит по ним языком продолжая вдабливаться в меня с диким остервенением, такой горячий огромный внутри, неистовый, разрывающий, дарящий боль и наслаждение. Порабощающая властность, требующая беспрекословного подчинения его желанию. Деспот, тиран, жестокий манипулятор, знающий, как заставить меня орать от неудовлетворенного желания и молить о пощаде, которой не будет. Я вскрикивала от каждого толчка, захлебываясь стонами,

слезами наслаждения, в изнеможении закрывая глаза. Оргазм был неожиданным, лишаящим разума, он вспорол мое сознание, и я изогнулась в сладкой судороге, запрокинув голову, чувствуя, как Максим сильно сжимает мои волосы на затылке, не останавливаясь не на секунду. А потом этот хриплый рык, его напряжение, мышцы, каменеющие под моими пальцами, и я заставляю себя открыть глаза, потому что хочу видеть его безумие, вот это нереально прекрасное, оголенное, неприкрытое наслаждение. Запрокинутая голова, задыхающийся рот и мучительная маска болезненной агонии дикого удовольствия. Быстро сокращаюсь вокруг его плоти, слегка тянет низ живота от невероятной вспышки экстаза. В этот момент весь контроль у меня, и я сжимаю

Максима руками и ногами, чувствуя, как вздрагивает внутри меня его член, исторгая

семя, слыша его прерывистое дыхание и короткие хриплые стоны. Уткнулся лицом мне в шею, а я задохнулась от безумной любви к нему, от мучительного счастья с привкусом горечи и диким страхом потерять.

Постепенно голоса и звуки музыки начали прорезаться сквозь туман обоюдного сумасшествия. Мои щеки залила краска стыда, и я тихо прошептала:

– Мы сумасшедшие, – хотела освободиться, но Максим сжал сильнее и приподнял голову посмотрел мне в глаза, усмехнулся краешком рта, а я утонула, растворилась в кристально светлой синеве, видя свое отражение, чувствуя опустошенность во всем теле.

– Со мной можно все, малыш. Ты помнишь? А все что нельзя – можно втройне. Я бы взял тебя сейчас даже если бы мы стояли посреди площади. Я голодал по тебе слишком долго. Это только начало.

С ним можно все, а без него...есть ли вообще жизнь, если он не рядом?

* * *

Но минуты полного единения, без жестокой реальности, быстро закончились. Мы приехали домой, и Максим заперся в кабинете вместе с Артемом. Я пошла к себе, прикрыла дверь, сбросив с себя одежду, стала под душ. Я была счастлива, какой

– то нереальной запредельной эйфорией. Он со мной на несколько недель. Вместе. У нас так редко получалось отключиться от всего и побыть вдвоем, только бы эти их постоянные беседы с Артемом не помешали. Я не вмешиваюсь обычно в их дела и не имею ни малейшего представления, что они там обсуждают, но всегда был страх, что может произойти что – то, способное разлучить меня с ним надолго. Мне этот надоел город, столица и я жаждала тишины, уединения. Только наша семья, но Максим...он говорил, что слишком много сил потрачено на то, чтобы держать в узде подчиненных и партнеров, и его присутствие необходимо, а мне нужно быть рядом с ним.

* * *

Я переоделась в легкое платье, заплела мокрые волосы в косу и спустилась вниз. Тут же появился слуга с подносом и поставил на столик графин с лимонадом. Я автоматически поблагодарила и включила телевизор. Новости – это, как всегда, очередной документальный фильм ужасов. Но этот репортаж меня заинтересовал. Странные беспорядки на улицах, массовые поджоги особняков видных политиков какими – то сектантами. В мире власть имущих свои войны и интриги, за которыми я могу смотреть лишь со стороны. Но это не моя забота, гораздо сильнее поразило то, что один из сгоревших домов – это особняк Родинских, Лизы, моей знакомой, ее муж вел бизнес с Максимом. Он известный политик, депутат от той же партии, что и мой муж с братом. Я набрала номер подруги, но она мне не ответила. Впрочем, ей сейчас не до меня. Я отправила сообщение о том, что очень сожалею, а потом резко подалась вперед. В новостях как раз показывали сгоревший особняк, санитары выносили трупы, накрытые белыми простынями, и грузили мертвецов в черные минивэны. Я посмотрела на свой сотовый и сильно сжала пальцы. Только что я отправила смс той, кто уже мертва. Судорожно сглотнула и налила себе воды. Может, вернуть детей обратно в пригород? Странные поджоги и убийства...кт, о знает с чем это связано. Я поговорю с Максом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/chernye-vorony-9-peklo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)